

Г. Н. ГОРОШКОВА

ЛОЖНАЯ ВЕРСИЯ О СОЗДАНИИ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

30 января 1933 года... Ход событий этого страшного для многих народов мира дня внешне был, пожалуй, ничем особенно не примечателен. К 11 часам утра президент Гинденбург вызвал из Мюнхена Гитлера в свою резиденцию и назначил рейхсканцлером. Вернувшись в сопровождении своих ближайших сообщников в отель «Кайзерхоф» — главную штаб-квартиру национал-социалистской партии в Берлине, — Гитлер немедленно сформировал правительство. В его состав было включено только три национал-социалиста. И на первый взгляд могло показаться, что произошла очередная смена кабинета, столь обычная для политической жизни буржуазных стран.

Но уже вечер нарушил призрачную обыденность этого дня, надолго врезавшегося в сознание современников и потомков. Когда Берлин окутала тьма ранних сумерек, через Бранденбургские ворота мимо имперской канцелярии на Вильгельмштрассе двинулись многочисленные колонны эсэсовцев и штурмовиков с горящими факелами. Они четко печатали шаг и громогласно приветствовали Гитлера. И это факельное шествие одетых в черные и коричневые рубашки мрачных фигур, с освещенными кровавыми отблесками мерцающих огней свирепыми лицами, и стоящий на балкончике рейхсканцелярии с высоко поднятой рукой «фюрер» как бы олицетворяли режим, который в тот день установился в Германии.

Марксистско-ленинская историческая наука уже давно сняла покровы мистики и психологических нагромождений, которыми пыталась и пытается прикрыть приход нацистов к власти, как и всю историю фашистского режима, реакционная буржуазная историография. Документы и факты неопровержимо свидетельствуют, что гитлеровцы были ставленниками крупных монополий, а основной целью фашистской диктатуры являлась борьба разбойничьего германского империализма за мировое господство. Но эти документы и факты упорно игнорируются реакционными буржуазными историками, хотя некоторые из них были современниками фашистского режима. Идут годы, а они все еще цепляются за давно опрокинутые жизнью концепции, многие из которых были придуманы самими же гитлеровцами.

Одну из наиболее острых дискуссий на XIII Международном конгрессе исторических наук (МКИН) в Москве вызвала проблема возникновения и сущности фашизма вообще и фашистской диктатуры в Германии, в частности. При этом западногерманский буржуазный исследователь истории фашистских движений Э. Нольте и американский историк Э. Вебер упорно называли приход нацистов к власти в 1933 г. «революцией». Они заявляли, что фашизм возник якобы как стремление к радикальному преобразованию социальной структуры общества и как реакция на кризис парла-

ментаризма. По их мнению, фашизм будто бы противостоял как социализму, так и капитализму. Эти утверждения опровергли академик В. М. Хвостов (СССР) и другие историки социалистических стран¹.

Тезис о «национал-социалистской революции» давно стал излюбленным кредо реакционной буржуазной историографии. Уже много лет он кочует из книги в книгу, из статьи в статью, играя роль наукообразной концепции и подменяя собой подлинно научные исследования по важной и актуальной проблеме новейшей истории: происхождение и классовый характер фашизма. Эта проблема на протяжении последних десятилетий является предметом непрерывающейся идеологической борьбы между марксистско-ленинской и реакционной буржуазной историографией. Тот факт, что реакционные буржуазные историки вытаскивали на конгрессе именно тезис о «национал-социалистской революции», свидетельствует о том, что он по-прежнему остается основным оружием в арсенале их доказательств.

В появившихся за последние годы советских исторических исследованиях отводится много места анализу возникновения и классовой сущности германского фашизма. Сосредоточивая основное внимание на связях германских монополий с гитлеровской кликой, советские исследователи, однако, не рассматривали специально вопрос о тезисе «национал-социалистской революции». Исключением является книга В. И. Салова, в которой дана обстоятельная критика западногерманской историографии и в связи с данным понятием². Но рассматривая большой круг вопросов, автор не имел возможности останавливаться ни на истории возникновения, ни на подробном опровержении этого тезиса. Несостоятельности тезиса о «национал-социалистской революции» уделено еще мало внимания и в историографии ГДР. В статье Г. Хасса, опубликованной в фундированном и исключительно объемном коллективном историографическом исследовании «Непреодоленное прошлое»³, подвергнуты критике несколько работ западногерманских авторов. Но, исследуя вопросы историографии германского фашизма в основном в годы второй мировой войны, Г. Хасс также не ставил перед собой задачи подробно анализировать указанный тезис.

* * *

Фашистская идеология по своему классовому содержанию является одной из форм буржуазной идеологии периода общего кризиса капитализма. Как и другие партии, выражающие интересы эксплуататорских классов, фашисты не могли открыто предстать перед массами со своими антинародными программами, целями и лозунгами. Ведь это означало бы разоблачение нацистов в глазах трудящихся, а следовательно, с самого начала подорвало бы их роль в общей системе арсенала политических средств монополистической буржуазии. От изощренности в искусстве маскировки классовой сущности своей политики в значительной мере зависели успех фашизма, его социальная пригодность к защите интересов капиталистического общественного строя и само существование гитлеровской партии. Поэтому нацисты в ряде случаев прибегали к демагогическому использованию в пропаганде чужих идей и лозунгов, придавая им противоположный классовый смысл. Партия германских фашистов была злейшим врагом

¹ См. А. Л. Нарочницкий. К итогам XIII Международного конгресса исторических наук. — «Новая и новейшая история», 1970, № 6, стр. 51—52.

² В. И. Салов. Современная западногерманская историография. М., 1968, стр. 267—299. О некоторых аспектах американской историографии, приписывающих фашизму «революционность», см.: П. Ю. Рахмири. Современные тенденции буржуазной историографии фашизма. — «Новая и новейшая история», 1971, № 6, стр. 28—30.

³ G. H a s s. Faschismus in Deutschland und Zweiter Weltkrieg. — «Unbewältigte Vergangenheit». Berlin, 1970, S. 205—206.

марксизма-ленинизма. Она всегда открыто и воинственно выступала против него. Но ведя борьбу против марксистско-ленинского учения, против коммунистического движения и коммунистических организаций, эта партия, в целях обмана трудящихся, старалась применять терминологию, понятную и близкую прежде всего рабочим. Словами «социализм», «революция» и некоторыми другими, заимствованными у революционного рабочего движения, нацисты прикрывали самые темные и грязные деяния, совершаемые в интересах германских монополий ⁴.

Напомним кратко, что партия германских фашистов возникла 5 января 1919 г. в Мюнхене. Ее основали слесарь Антон Дрекслер и журналист Карл Харрер. Это была небольшая группка (около 30 человек), тесно связанная с наиболее реакционными кругами рейхсвера и промышленниками Баварии. Она приняла название Германская рабочая партия (ДАП). 16 сентября на ее собрание из специальной группы доносчиков баварского рейхсвера был подослан ефрейтор Адольф Гитлер. Он получил задание: наблюдать за возникшей новой партией, сообщать о ее деятельности и создать из нее активную массовую антикоммунистическую организацию. Гитлер рьяно взялся за дело. Он не только вступил в партию, вошел в ее руководящий комитет, но и возглавил пропагандистскую работу ⁵.

24 февраля 1920 г. партия приняла программу из 25 пунктов ⁶, а в августе на съезде в Зальцбурге (Австрия) была переименована в национал-социалистическую германскую рабочую партию (НСДАП). С тех пор программа официально не изменялась и формально просуществовала до краха германского фашизма в мае 1945 г. ⁷ В 1925 г. она фактически была заменена книгой Гитлера «Майн кампф» ⁸ — этим катехизисом кровавого германского империализма. В 1921 г. НСДАП насчитывала 3 тыс. членов, в 1923 г. их число удвоилось, в 1926 г. возросло до 50 тыс., а в 1933 г. — до 849 тыс. ⁹

Приведенные цифры показывают, что небольшая группка за несколько лет превратилась в массовую партию. Многие буржуазные западногерманские историки — от Ф. Мейнеке до Э. Нольте — обычно объясняют это превращение «ораторским талантом» и «кроковой личностью» Гитлера, его «сатанинской волей» и «демоническими свойствами души», объявляя его «сверхчеловеком», «медиумом», а его ближайшее окружение наделяют «особой энергией», «пропагандистскими способностями». Все эти объяснения призваны затушевать и извратить реальную действительность, снять ответственность за преступления фашизма с господствующих классов.

Истинные причины превращения НСДАП в массовую партию, как и последующего установления фашистской диктатуры, следует искать в природе германского империализма и в тех исторических условиях, которые сложились в то время в Германии. Жестокие удары, полученные от рабо-

⁴ См. А. А. Галкин. германский фашизм. М., 1967, стр. 10, 348—349; Г. Н. Горошкова. Становление фашистского режима: узурпация и пропаганда. — «Ежегодник германской истории. 1969». М., 1970, стр. 385—386.

⁵ N. Weissbecker. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP) 1919—1945. — «Die bürgerlichen Parteien in Deutschland», Bd. II. Leipzig, 1970, S. 388; E. Deuerlein. Dokumentation. Hitlers Eintritt in die Politik und die Reichswehr. — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1959, H. 2, S. 177—217; G. Franz-Willing. Die Hitlerbewegung, Bd. 1. Der Ursprung 1919—1922. Hamburg — [West] Berlin, 1962, S. 67; G. Rühle. Das Dritte Reich. Die Kampfjahre 1918—1933. Berlin, 1936, S. 44—49.

⁶ «Das Programm der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei». — «Führer-Kalender» von H. Fabricius und K. Stamm. Berlin, 1934, S. 9.

⁷ G. Feder. Das Programm der NSDAP und seine weltanschauliche Grundlagen. München, 1930, S. 11; R. Kühnl. Die nationalsozialistische Linke 1925—1930. Meisenheim a./Glan, 1966, S. 17; M. Weissbecker. Op. cit., S. 392.

⁸ Первый том вышел 18 июня 1925 г., второй — 11 декабря 1926 г. — G. Rühle. Op. cit., S. 127. По уточненным данным, в 1943 г. вышло 820-е последнее издание этой книги, а общий тираж составлял к тому времени 9,84 млн. экз. — K. Scheel. Die faschistische Meinungsmanipulierung in Deutschland 1944/1945. (Phil. Diss.). Berlin, 1968, S. 10.

⁹ M. Weissbecker. Op. cit., S. 385.

чего класса в ходе Ноябрьской революции, и поражение в первой мировой войне еще более усилили агрессивную сущность германского империализма. Его главной стратегической целью в период общего кризиса капитализма стало стремление изменить в свою пользу результаты войны и революции. Борьба за максимальные прибыли, за постоянное совершенствование методов их получения, за дальнейшее углубление процесса монополизации активизировала намерения реакции уничтожить буржуазную парламентскую демократию и создавала объективную почву для развития фашизма. Сохранив позиции в экономике, крупная буржуазия и юнкерство стремились к достижению такого же монополизма в политике, т. е. установлению авторитарных и фашистских форм господства¹⁰. Страх перед революцией еще более подкреплял эти тенденции. Самые реакционные силы страны вынашивали замыслы превентивной контрреволюции.

Уже вскоре после 1918 г. они взяли курс на ликвидацию Веймарской республики, лишение рабочего класса завоеванных ранее демократических прав и установление террористической диктатуры. Все это должно было служить скорейшей подготовке реваншистской войны. Реакционные круги сразу же после Ноябрьской революции стали создавать мелкобуржуазную шовинистическую массовую базу¹¹. Поняв и оценив в ходе революции мощь, значение и потенции масс, хитрая и коварная германская монополистическая буржуазия задалась целью поставить на службу своим интересам вначале мелкобуржуазные слои, а потом, хотя бы частично, и рабочий класс.

Стремление агрессивного немецкого империализма превратить Германию в плацдарм борьбы против сил демократии и социализма в Европе способствовало возникновению и росту крайне реакционных и реваншистско-милитаристских организаций. В основном они были малочисленными. Наибольшее рвение в завоевании и использовании в своих целях масс, особенно рабочих, проявили буржуазия и военщина Баварии. Здесь в 1918—1919 гг. произошла наиболее резкая поляризация классовых сил. Экономическая и социальная отсталость, небольшое число центров тяжелой промышленности, преобладание среднесословного крестьянства, баварский партикуляризм, сильное влияние католической церкви — все это привело к возникновению довольно большого числа так называемых народных (в националистически-шовинистическом понимании), а также других правых партий и союзов. Всех их роднила фанатическая ненависть к завоеваниям Ноябрьской революции, реваншистские и антикоммунистические устремления¹².

Баварские промышленники и рейхсвер усиленно опекали их и внимательно следили за ними. Немалое значение в выдвигании из этих партий национал-социалистической имело вошедшее в ее название слово «рабочая». Учитывалось и то, что вначале вокруг основателя А. Дрекслера сгруппировалось десятка два людей из народа: рабочие, ремесленники, безработные — его товарищи по работе и месту жительства. По вечерам они собирались в пивной и спорили о международных вопросах или распевали реваншистские песни. К ним примкнуло несколько оступившихся интеллигентов — завсегдатаев той же пивной¹³. Все это создавало у покровителей уверенность, что облик партии импонирует рабочим и она поможет им завоевать их на свою сторону. Заброшенное в партию подкрепление в лице Гитлера и его сподвижников из рейхсвера резко усилило реакционную направленность партии. Ее активизация все более оправдывала возлагаемые надежды. Дрекслер же вскоре вышел из партии и был забыт.

¹⁰ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 4. Berlin, 1966, S. 220—229; M. Weissbecker. Op. cit., S. 388.

¹¹ Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965, стр. 111; W. Ruge. Zur Taktik der deutschen Monopolbourgeoisie im Frühjahr und Sommer 1919.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1963, Н. 6, S. 1090 ff.

¹² M. Weissbecker. Op. cit., S. 388.

¹³ К. Гейден. История германского фашизма. М., 1935, стр. 4—7.

Любими средствами проникнуть в широкие слои населения — таков был генеральный курс НСДАП. Гитлер и другие ее главари выполняли здесь не свою «сатанинскую волю», а волю крупных монополистических концернов и военщины. Именно баварские промышленно-финансовые воротилы и агрессивные военные круги определили уже в 1920 г. и стиль работы НСДАП: политический террор и демагогия.

С 1920 г. при партии были созданы отряды так называемых орднеров (распорядителей). В их задачу входило изгнание с собраний и избивание несогласных с фашистскими ораторами, слежка за тем, чтобы на собрания не проникли нежелательные лица. В конце 1920 — начале 1921 г. «орднеры» уже стали срывать собрания своих политических противников. А летом 1921 г. из этих банд были сформированы вооруженные штурмовые отряды (СА) — страшная коричневая армия нацизма. Через пять лет они насчитывали 30 тыс., а ко времени прихода фашистов к власти — около 500 тыс. человек ¹⁴. В 1923 г. из небольшой группы личных телохранителей Гитлера выросла и черная гвардия германского фашизма — охранные отряды (СС), сформированные из отборных «расово-чистых» головорезов. К январю 1933 г. их было 52 тыс. человек ¹⁵. Наличие вооруженной силы давало НСДАП широкие возможности для проведения политики террора и в то же время способствовало формированию пужной массовой базы.

Но фашистские идейки нельзя было только вколачивать. Вместе с кнутом был пущен в ход и пряник — демагогические обещания, сопровождавшиеся заранее отретенгированными, театрализованными средствами психологического воздействия на массы. Уже с октября 1919 г. началась волна нацистских собраний, которая шла в дальнейшем по нарастающей линии. С 24 февраля 1920 г. по 21 января 1921 г. НСДАП провела только в Мюнхене 46 общественных собраний (из них 10 массовых) с 62370 участниками и 32 собрания в других баварских городах. Кроме того, почти ежедневно проводились так называемые «шпрехабенде» (вечера бесед) ¹⁶. Такая активность еще малочисленной в то время партии быстро выделила ее из числа других шовинистических организаций и сделала заметной на политической арене вначале Баварии, а затем и всей страны.

Фашисты развернули, помимо устной, печатную пропаганду. В конце 1920 г. на полученные от рейхсвера 60 тыс. марок НСДАП приобрела собственную ежедневную газету «Völkischer Beobachter». Характерно, что членские взносы в то время составляли менее 50 марок в месяц. Газета сразу же дала мощный рычаг постоянного воздействия на массы и повысила престиж фашистов. При партии были созданы специальные мобильные соединения пропагандистов, разъезжавшие на автомашинах, мотоциклах и велосипедах. На заборах, трамваях, крышах домов и даже деревьях баварских городов и сел они расклеивали броские афиши и плакаты, разбрасывали листовки и брошюры ¹⁷. Очень скоро как устная, так и печатная фашистская пропаганда перешагнула границы Баварии и охватила население других частей Германии.

Фашисты обещали всем все. И с каждым обещанием неизменно выдавалась порция шовинизма, антикоммунизма, антисемитизма и ненависти к другим народам, умело разжигались стремления «обделенных немцев» к захватам новых «жизненных пространств». Ловко жонглируя историческими традициями, фашисты призывали к «внутреннему единству» немцев ¹⁸, не взирая на классы. Обильно финансируемая крупными

¹⁴ Н. В е н н е с к е. Hitler und die SA. München — Wien, 1962, S. 140, 213.

¹⁵ «СС в действии. Документы о преступлениях СС.» М., 1968, стр. 43; Н е у с с - Н у н к е л. Die SS. Hannover-Frankfurt a./M., 1956, S. 8.

¹⁶ М. W e i s s b e c k e r. Op. cit., S. 388—389; G. F r a n z - W i l l i n g. Op. cit., S. 67—68; 145.

¹⁷ G. F r a n z - W i l l i n g. Op. cit., S. 145—147, 197.

¹⁸ «Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945». Hrsg. Н.-А. Jacobsen und W. Jochmann. Kommentar. Bielefeld, 1966, S. 8.

монополистами и военщиной, фашистская партия особенно ловко использовала экономическую и политическую обстановку конца 20-х — начала 30-х годов для расширения пропаганды, которую она вела в самых различных слоях населения.

По мере развертывания борьбы за захват власти в идеологии германского фашизма сформировались его основные «доктрины» — агрессивного антикоммунизма, «высшей расы», мистицизма «крови и почвы», казарменного «немецкого национального социализма», «интуиции вождя», «тысячелетнего рейха», «нового порядка в Европе» и т. д. Пропаганда этих «доктрин», неслыханная по своим размерам националистическая и социальная демагогия захлестнула страну. «Крайняя опасность этой демагогии заключалась в эффективности ее воздействия. Отвечая темным инстинктам толпы и разжигая их, она ловко приспосаблилась к психическому складу и настоящим или иллюзорным потребностям различных слоев населения — и притом довольно широких»¹⁹.

Именно в погоне за новыми и новыми сторонниками из среды трудящихся фашистская пропаганда все шире стала использовать заимствованные термины. Их все обильнее примешивали в эклектическую похлебку идеологии НСДАП. Улавливание той части населения, которая не могла до конца разобратся в этой мешанине, принимало все более рафинированные формы. Среди заимствованных терминов было и слово «революция», которое гитлеровцы использовали в противоположном его классово-пролетарскому пониманию смысле, а именно для пропаганды тезиса «национал-социалистской революции».

Этот тезис был взят гитлеровцами на вооружение после установления фашистской диктатуры 30 января 1933 г.²⁰ До прихода к власти он мог только отпугнуть от нацистов как монополистические круги, военщину и юнкерство, так и сторонников из широких слоев населения. Отдававшие свои голоса фашистам избиратели²¹, в основном из среды мелкой буржуазии, средних городских слоев, служащих, боялись революции. У отсталой части рабочего класса и крестьянства такой лозунг также не нашел бы поддержки ввиду их консервативности. В то же время передовые рабочие, боровшиеся под руководством КПГ против наступления фашизма, незамедлительно поняли бы существо «национал-социалистской революции». В условиях легальных возможностей Веймарской республики компартия при поддержке рабочего класса быстро разоблачила бы этот тезис.

«Национальная революция» была впервые провозглашена Гитлером в мюнхенской пивной «Бюргерброй» в день фашистского путча 9 ноября 1923 г.²² Это была авантюристическая попытка баварской военщины и нацистов захватить руководство страной, прикрытая демагогическими фразами. Путч окончился полным провалом; Гитлер предстал перед судом и был заключен в тюрьму, а фашистская партия запрещена.

События тех дней проливают свет не только на истинных творцов этого лозунга и момент его выдвижения, но и на то содержание, которое в него вкладывали реакционные силы. Получая в первые годы своего существования и средства, и инструкции в основном от рейхсвера, фашистская

¹⁹ А. С. Е р у с а л и м с к и й. Германский империализм: история и современность. М., 1964, стр. 591.

²⁰ Официальный историограф фашистского рейха Г. Рюле писал в связи с уходом Гитлера из рейхсвера в апреле 1920 г., что «фюрер целиком посвятил себя осуществлению национал-социалистской революции во всемирном масштабе». — G. Rühlle. Op. cit., S. 53. Следует учесть, что книга была написана после прихода фашистов к власти и издана в 1936 г.

²¹ Число их, особенно в годы экономического кризиса, росло. Если на выборах в рейхстаг в 1928 г. НСДАП получила 810 тыс. голосов, в сентябре 1930 г. — 6406,9 тыс., то в июле 1932 г. 13 750 тыс. — «Die Wahlen zum Reichstag 14. IX. 1930». Berlin, 1932, H. 1, S. 6—9; «Die Wahlen zum Reichstag. Statistik des deutschen Reichs», Bd. 434. Berlin, 1935, S. 8—9.

²² J. Hellwig, W. Weiss. So macht man Kanzler. Berlin, 1962, S. 37.

партия имела от него конкретные указания. Вот что писал Гитлеру о подготовке путча 24 сентября 1923 г. Шейбнер-Рихтер — доверенное лицо генерала Людендорфа: «Национальная революция не должна предшествовать взятию политической власти; овладение полицейским аппаратом государства является предпосылкой национальной революции. Другими словами — необходимо по крайней мере сделать попытку овладеть этим аппаратом хотя бы по внешности легальным путем»²³.

Фашисты усвоили и неуклонно выполняли наставления рейхсвера и о «национальной революции», и о «легальности». После выхода Гитлера из тюрьмы в декабре 1924 г. и снятия с партии запрета они делают в пропаганде упор на «легальность» своих действий. 25 сентября 1930 г. Гитлер даже присягнул перед имперским судом, что «национальная революция» подразумевает полную «легальность» и не будет а la Кашповским путчем. Это окончательно сняло опасения реакционных сил и явилось важным шагом на пути углубления открытого сотрудничества между НСДАП, монополиями, юнкерами и генералитетом рейхсвера²⁴.

Приход фашистов к власти означал дальнейшее укрепление позиций монополий, разгром демократических организаций, усиление роли буржуазного государства. Всевластие государства — краеугольный камень фашистской идеологии²⁵. Политический террор и демагогия осуществлялись теперь в невиданных размерах. В. И. Ленин указывал на два способа правления буржуазии и помещиков и их влияния на массы: «Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал два способа удержания народа в угнетении. Первый — насилие... Но есть другой способ... Это — способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного»²⁶. Ленинское положение применимо и для характеристики фашистской диктатуры. В новых исторических условиях германский разбойничий империализм с помощью фашистской партии использовал оба способа.

Свой приход к власти фашисты стремились окружить ореолом, раздуть демагогическую шумиху, посеять иллюзии в массах, и прежде всего в германском рабочем классе. Тогда-то и был пущен в оборот тезис о «национал-социалистской революции». На известное время он превратился в официальное название установленной фашистами диктатуры и ее реакционно-террористических мероприятий. Вслед за военщиной именно нацистская верхушка являлась прародителем тезиса «национал-социалистской революции». В то же время он был сформулирован не сразу и, как ни парадоксально, его окончательная редакция была подсказана нацистам социал-демократами. Для того чтобы проследить возникновение тезиса, рассмотрим, хотя бы кратко, основные документальные публикации официального сборника «Документы германской политики», помещенные в его первом томе²⁷.

В обнародованных сразу же после прихода фашистов к власти документах: «Воззвание Гитлера к НСДАП» от 31 января и «Обращение правительства к немецкому народу» от 1 февраля²⁸ — не содержится каких-либо упоминаний о «революции». События 30 января 1933 г. Гитлер назвал «великой немецкой революцией» лишь в своем первом публичном выступлении в качестве рейхсканцлера в берлинском Спортпаласте 10 февраля того же года²⁹. О проведенных 5 марта в условиях жесточайшего террора

²³ К. Гейден. Указ. соч., стр. 111.

²⁴ M. Weissbecker. Op. cit., S. 405.

²⁵ Л. И. Гинцберг. Фашизм и история новейшего времени. — «Новая и новейшая история», 1971, № 4, стр. 40.

²⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 158.

²⁷ «Dokumente der deutschen Politik». Hrsg. P. Meier-Benneckenstein (Hochschule für Politik). Bd. I. Die nationalsozialistische Revolution 1933. Berlin, 1939

²⁸ Ibid., Dok. 2—3. S. 5—9.

²⁹ Ibid., Dok. 6a, S. 11—18.

выборах в рейхстаг Гитлер заявил 12 марта по радио уже как о «победе национальной революции», утверждая при этом, что «первый ее этап завершился»³⁰. Так «немецкая революция» в течение месяца была переименована в «национальную»; фраза о ее «завершении» явно предназначалась для успокоения монополистических хозяев фашистской клики. Но и вновь изобретенный термин ненадолго удержался в фашистском лексиконе. В программной речи правительства в рейхстаге — 23 марта Гитлер именовал его «правительством национальной революции»³¹. Выступавший на заседании лидер социал-демократов О. Вельс бросил нацистам упрек, что они называют свое движение «национальной революцией», а не «национал-социалистской»³². Вот тогда-то, отвечая Вельсу, Гитлер впервые применил термин «национал-социалистская революция»³³, который затем и вошел в официальный обиход.

По мере укрепления у власти гитлеровцы вводили тезис о «революции» в широкий оборот. Он употреблялся в документах НСДАП и правительства, выступлениях главарей фашистского рейха, официальной литературе, прессе, плакатах, кинофильмах, им был заполнен эфир. Фашистская клика не затрудняла себя ни обоснованиями этого понятия, ни расшифровкой его смысла, ни точностью формулировок. Она преследовала цель — выдать за «революцию» установление открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала.

Международное коммунистическое движение быстро разоблачило этот обман. Говоря об источнике влияния фашизма на массы, Г. Димитров в докладе на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. указывал: «Фашизм не только разжигает глубоко укоренившиеся в массах предрассудки, но он играет и на лучших чувствах масс, на их чувстве справедливости и иногда даже на их революционных традициях. Почему германские фашисты, эти лакеи крупной буржуазии и смертельные враги социализма, выдают себя массам за «социалистов» и свой приход к власти изображают как «революцию»? Потому, что они стремятся эксплуатировать веру в революцию, тягу к социализму, которые живут в сердцах широких масс трудящихся Германии»³⁴. Под прикрытием тезиса о «революции» фашисты террористическими методами осуществили узурпацию всей полноты власти. Любая террористическая акция, любая провокация провозглашались «революционными» и осуществлялись во имя «революции». То, что творилось в это трагическое время в Германии, было примером наиболее массового обмана во всей истории XIX в. Рассмотрим, как подобные акции осуществлялись.

Фашистское правительство пришло к власти, когда в стране существовал рейхстаг, состав которого внушал серьезную тревогу монополиям. На выборах 6 ноября 1932 г. КПП завоевала 100 мандатов (вместо 89, полученных ею на предыдущих выборах 31 июля 1932 г.). В рейхстаге заседал также 121 депутат от социал-демократической партии (в предыдущем составе их было 133). Таким образом, депутаты двух рабочих партий имели вместе 221 мандат из общего числа 584, в то время как национал-социалисты — всего 196 мандатов (вместо 230 в предыдущем составе). Число голодовавших за КПП на выборах 6 ноября возросло по сравнению с предыдущими выборами с 5 369 708 до 5 980 614 человек³⁵.

³⁰ Ibid., Dok. 15, §S. 34—36. Характерно, что, пытаясь позднее, в 1939 г., придать какую-либо систему истерическим выкрикам «фюрера», издатели данного сборника документов комментируют это выступление Гитлера, а также его речь на открытии рейхстага в Потсдаме 21 марта (Ibid., Dok. 18, S. 38—41) как «завершение первой эпохи национал-социалистской революции» (Ibid., Bd. I, S. 3).

³¹ «Verhandlungen des Reichstages», 8. Wahlperiode, Berlin, 1933, Bd. 457, S. 25—27.

³² «Dokumente der deutschen Politik», Bd. I, Dok. 20, S. 55. Отметим, что Вельс не возражал против того, чтобы называть фашистский переворот «революцией».

³³ Ibid. Dok. 21, S. 59

³⁴ Г. Д и м и т р о в. Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 379.

³⁵ «Die Wahlen zum Reichstag», Bd. 434, S. 8, 77.

Вопрос о борьбе против КППГ был поставлен на первом же заседании кабинета 30 января 1933 г. Ставший известным после разгрома германского фашизма протокол заседания обнаруживает страх, который испытывали гитлеровцы перед Коммунистической партией Германии и ее огромным политическим влиянием в стране. Из протокола видно, что особенно в первые дни пребывания у власти гитлеровцы жили в постоянной боязни потерять эту власть. Члены кабинета в течение длительного времени обсуждали возможные варианты борьбы против КППГ. Они остановились на том, что ее запрет и неизбежная при этом всеобщая забастовка представляют «гораздо большую опасность», чем роспуск рейхстага и проведение новых выборов³⁶. Поэтому было решено немедленно распустить рейхстаг и в новом его составе добиться резкого уменьшения числа депутатов от КППГ.

1 февраля 1933 г. президент Гинденбург объявил о роспуске рейхстага и назначил на 5 марта новые выборы³⁷. Состоялось также решение кабинета о жестоких репрессиях против КППГ. На другой день были запрещены все организуемые компартией демонстрации и произведен обыск в доме имени Карла Либкнехта в Берлине, где помещался Центральный Комитет КППГ³⁸. Широкие волны массового политического террора разлились по всей стране. По мере приближения даты выборов участились фашистские провокации, усиливая чувства беспокойства и страха. Политическая атмосфера в стране накалилась до крайности. В ночь на 28 февраля фашисты подожгли рейхстаг, после чего последовал еще более массовый террор против компартии и окончательная отмена демократических завоеваний немецкого народа. Только по официальному данным, в эту ночь было арестовано 4 тыс. функционеров КППГ, включая и коммунистических депутатов рейхстага³⁹, а всего по стране — свыше 10 тыс. коммунистов⁴⁰. 28 февраля чрезвычайным декретом президента под демагогическим названием «В защиту народа и государства» были отменены все демократические права и свободы: свобода личности, слова, собраний, союзов, печати, неприкосновенность жилища, охрана тайны почтовой корреспонденции, телеграмм и телефонных разговоров. Согласно декрету власти получили неограниченные права производить аресты, штрафы, обыски и конфискацию имущества. Основными видами наказаний предусматривались смертная казнь и бессрочная каторга. В преамбуле декрета указывалось, что он направлен против коммунистической деятельности⁴¹.

В тяжелых для прогрессивных сил страны и трудового народа условиях 5 марта состоялись выборы в рейхстаг. Национал-социалистская партия, которая, казалось, сделала все, чтобы запугать и утратить избирателей, а также развратить их демагогией и задобрить посулами, не получила ожидаемого превосходства. Непосредственно за нее было подано по стране 43,9% избирательных бюллетеней, а в Берлине 31,3%⁴². Вместе со своим партнером по правительственной коалиции — Немецкой национально-народной партией нацисты располагали 341 мандатом из 647. Коммунистическая партия одержала на выборах 5 марта большую победу. За ее кандидатов голосовало 4 847 939 избирателей, или 12,3% общего количества участвовавших в выборах. 18,3% получили социал-демократы. Остальные

³⁶ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. I, М., 1957, стр. 574; E. W i s k e r t. *Dramatische Tage im Hitlers Reich*. Stuttgart, 1952, S. 55.

³⁷ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. I, Dok. 5, S. 9.

³⁸ W. B a r t e l. *Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur 1933—1945*. Berlin, 1956, S. 10.

³⁹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. I, S. 21.

⁴⁰ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 25.

⁴¹ «Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945». Hrsg. von W. Hofer. Frankfurt a./M., 1957, Dok. 24, S. 53—54.

⁴² Подсчеты сделаны автором на основе данных, опубликованных в «Die Wahlen zum Reichstag», Bd. 434, S. 142.

бюллетени распределились между другими партиями. Голосование за КПГ почти 5 млн. человек явилось показателем воли германского рабочего класса и трудящихся масс к борьбе против наступления фашизма и угрозы войны.

Итоги выборов особенно ярко показали фашистам, что террором и провокациями не сломить волю рабочего класса и других слоев трудящихся. Тогда нацисты усилили наступление на идеологическом фронте. 13 марта было создано министерство пропаганды, разрекламированное как «революционный акт правительства»⁴³. Министерство и отдел пропаганды НСДАП установили контроль над всеми областями идеологической и культурной жизни страны. Министерство внутренних дел взяло под опеку школы и потребовало перестроить их учебные планы, приспособив к задачам «национал-социалистской революции»⁴⁴.

24 марта рейхстаг одобрил закон о предоставлении гитлеровскому правительству чрезвычайных полномочий⁴⁵. Все распоряжения правительства становились теперь законами и входили в силу на другой день после опубликования. Тем самым уничтожались последние остатки конституции, а рейхстаг превращался в бутафорию. Закон означал усиление диктатуры фашистского клики и наиболее крупный шаг в узурпации ею всей полноты власти.

После этого фашизация страны пошла ускоренными темпами. 31 марта была официально запрещена компартия⁴⁶, хотя фактически она была лишена возможностей легальной деятельности еще до выборов, а тысячи ее членов заключены в тюрьмы и концлагеря. 2 мая подверглись разгрому профсоюзы, а затем и другие массовые организации рабочего класса и трудящихся: молодежные, женские, спортивные союзы, больничные кассы, просветительские и другие общества. 23 июня была запрещена социал-демократическая партия⁴⁷. Вскоре объявили о самороспуске все буржуазные политические партии⁴⁸, интересам которых отвечала проводимая гитлеровцами политика. Единственной легальной партией страны стала НСДАП, что и было провозглашено специальным законом, запрещавшим образование в стране новых партий⁴⁹. Все это осуществлялось в условиях жесточайшего террора и политических провокаций, бесчинств эсэсовцев и штурмовиков. Сотни тысяч немцев попали в руки гестапо. Страна покрылась сетью концлагерей.

Узурпировав всю полноту власти, фашистские заправилы спешили дать отбой шумихе о «национал-социалистской революции». Выступая 6 июля перед уполномоченными правительства в землях, Гитлер заявил о «завершении революции»: она должна быть введена теперь в «спокойное ложе эволюции»⁵⁰. 17 июля с речью о «завершении революции» обратился по радио к немецкому народу министр пропаганды Геббельс. Он призывал сохранить «результаты революции» на ближайшее столетие и (имея в виду недовольных в среде штурмовиков) угрожал тем, кто поговаривает о «второй революции»⁵¹. Летом 1933 г. неоднократно писал «о за-

⁴³ «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil 1, S. 104.

⁴⁴ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. I, Dok. 96, S. 327.

⁴⁵ «Das «Ermächtigungsgesetz» vom 24. März 1933». Hrsg. von R. Morsey. Göttingen, 1968.

⁴⁶ «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil I, S. 153—154.

⁴⁷ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. I, Dok. 25, S. 64—66.

⁴⁸ Ibid., Dok. 26—29, S. 66—68.

⁴⁹ «Reichsgesetzblatt», 1933, Teil I, S. 479.

⁵⁰ Официальное сообщение об этой речи так и называлось: «Заявление Гитлера уполномоченным в землях о завершении революции». — «Völkischer Beobachter», 8. VII. 1933.

⁵¹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. I, Dok. 37, S. 77—82. Характерно, что в определении «результатов революции» Гитлер пошел дальше Геббельса. Выступая в сентябре 1934 г. на съезде НСДАП в Нюрнберге, он заявил, что в «последующие тысячи лет в Германии не будет новой революции». — G. R ü h l e. Das Dritte Reich. Das zweite Jahr 1934. Berlin, 1935, S. 310.

вершении революции» другой главарь фашистской пропаганды — уполномоченный «фюрера» по наблюдению за духовным и мировоззренческим воспитанием НСДАП, главный редактор «Völkischer Beobachter» Альфред Розенберг ⁵².

Именно тогда, когда гитлеровцы кричали о «революции», они провели те реакционно-террористические мероприятия, в результате которых сформировался и укрепился механизм фашистской диктатуры. Теперь они не нуждались в камуфляже, сослужившем свою службу германскому империализму. Процесс становления фашистского режима подходил к концу. Он завершился, как известно, событиями 30 июня 1934 г. — физической расправой с наиболее видными противниками Гитлера и его клики в правящем лагере и штурмовых отрядах ⁵³. Следует отметить, что и в литературе фашистской Германии тезис «национал-социалистской революции» отождествлялся с установлением гитлеровской диктатуры и дальнейшим укреплением ее власти. Именно так трактовали этот вопрос один из авторов тезиса Геббельс в книге «Революция немцев», фашистский профессор В. Баде «История третьего рейха. 1933 — год революции» ⁵⁴ и многие другие ⁵⁵.

В дальнейшем фашистская верхушка вспоминала о «национал-социалистской революции» лишь в особо торжественных случаях, с неизменным подчеркиванием ее «победы» ⁵⁶. Иногда этот термин или его синонимы использовались при возвеличении того или иного мероприятия фашистской политики. Например, президент германской театральной палаты Лаубингер, оценивая первый театральный сезон при гитлеровском правительстве, кричал о «национальной революции» ⁵⁷. В отчете имперского общества по исследованию жизненного пространства Восточная Пруссия с ее крупными поместьями юнкеров и жесточайшей эксплуатацией рекламировалась как «опытный сад национальной революции» ⁵⁸. А министр юстиции Франк в связи с 5-летием фашистского так называемого народного суда окрестил его «экспонентом национал-социалистской революции» ⁵⁹. Чудовищные действия этого «экспонента», перед которыми бледнели зверства инквизиции, особенно наглядно свидетельствовали о сущности породившей его нацистской «революции».

После полной узурпации власти фашистские заправила внушали время от времени германскому рабочему классу, что будто бы «революция» состоялась и требует «переделки людей» ⁶⁰. В Берлине у монумента, названного «алтарем национал-социалистской революции», они произносили речи перед рабочей молодежью ⁶¹.

⁵² Например, в письме прусскому министру просвещения Б. Русту от 12 июня 1933 г. — Deutsches Zentralarchiv Potsdam (далее — DZA Potsdam). NSDAP, Dienststelle Rosenberg, Film Nr. 1201, Aufnahme Nr. 000323.

⁵³ О событиях 30 июня 1934 г. см.: Г. Я. Рудой. «Ночь длинных ножей». — «Новая и новейшая история», 1966, № 5.

⁵⁴ W. B a d e. Geschichte des Dritten Reiches. 1933 — Das Jahr der Revolution. Lübeck, 1936.

⁵⁵ A. F r i e d r i c h s. Die nationalsozialistische Revolution. Berlin, 1939.

⁵⁶ Воззвание Гитлера по случаю открытия первого после прихода к власти съезда НСДАП в Нюрнберге от 1 сентября 1933 г. («Dokumente der deutschen Politik», Bd. 1, Dok. 37a, S. 82—94); «Закон о сохранении единства партии и государства» от 1 декабря 1933 г., который начинался словами: «После победы национал-социалистской революции» (Ibid., Dok. 38, S. 94—95); речь Гитлера в рейхстаге 30 января 1934 г. по случаю годовщины прихода к власти; в этой речи он назвал 1933 год — годом «национал-социалистской революции» (Ibid., Bd. 2. «Der Aufbau des deutschen Führerstaates 1934». Berlin, 1942, Dok. 2, S. 11—36); речь Гитлера на открытии съезда НСДАП в Нюрнберге 5 сентября 1934 г. (G. R ü h l e. Op. cit., S. 304—314).

⁵⁷ DZA Potsdam. Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda, Akte Nr. 163, Bl. 4—6.

⁵⁸ DZA Potsdam. Reichskanzlei, Film Nr. 4831, Aufnahme Nr. 659797.

⁵⁹ DZA Potsdam. Reichskanzlei, Film Nr. 4828, Aufnahme Nr. 656149.

⁶⁰ DZA Potsdam. NSDAP, Dienststelle Rosenberg, Film Nr. 1201, Aufnahme Nr. 001255.

⁶¹ DZA Potsdam. Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda, Akte Nr. 62, Bl. 35.

О какой «переделке» шла речь, можно судить, в частности, по донесению полиции-президента г. Хемница о разгроме готовившейся в октябре 1935 г. забастовке на предприятии по изготовлению туристского оборудования «Вандерерверке»⁶².

Но, несмотря на демагогию и террор, фашистам так и не удалось полностью привлечь рабочие массы на свою сторону, к чему они стремились при помощи тезиса о «национал-социалистской революции», что признал и сам Гитлер⁶³. Борьба рабочих-антифашистов под руководством героической КПП показала, что немалая часть немецкого рабочего класса выступала против ненавистной диктатуры.

Фашистская диктатура была установлена ведущими монополиями. Она не только сохранила неизменным капиталистический способ производства, но еще более упрочила позиции крупного капитала. Охранительная политика в отношении монополий, всемерное усиление государственно-монополистического капитализма и переход к государственной политике вооружений обеспечили небывало высокую конъюнктуру и баснословные прибыли немецким концернам⁶⁴. В исторической литературе обычно подчеркивается финансирование монополиями национал-социалистской партии до ее прихода к власти. Однако империалистические круги не прекращали выплату крупных сумм НСДАП и ее главарям на всем протяжении 12-летнего фашистского господства. 30 мая 1933 г. под руководством Г. Круппа был создан фонд промышленников под названием «Hitlerspende» («пожертвования Гитлеру»). С этого времени и по 1944 г. в фонд поступило, только по учтенным данным, 700 млн. марок⁶⁵. В свою очередь сразу же после установления фашистской диктатуры монополисты активно включились в создание и расширение государственной системы политического террора, прежде всего на промышленных предприятиях, и в организацию фашистской пропаганды⁶⁶.

VII конгресс Коминтерна сделал принципиально важный вывод о политической сущности прихода фашизма к власти, подчеркнув, что «это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии, другой его формой — открытой террористической диктатурой»⁶⁷. Вся история фашистского режима в Германии подтвердила правильность этого вывода.

Нацистский переворот в Германии был совершен не в день формирования гитлеровского правительства. Фашисты не захватывали власть. Они были поставлены у руля государственного правления тем же господствующим классом буржуазии, который стоял у власти и ранее. Сущность этого переворота состояла в уничтожении самыми жестокими методами всех завоеваний трудящихся, достигнутых в дни Ноябрьской революции. Это был контрреволюционный переворот, направленный против рабочего класса и всего немецкого народа.

Путем террора и репрессий фашистский режим подавил рабочее движение, пропагандой и демагогией притупил классовую борьбу и сумел подготовить многомиллионную армию для войны германского раз-

⁶² DZA Potsdam. Reichsministerium des Innern, Akte Nr. 27079/27, Bl. 40.

⁶³ «Arbeiterum», 1933, Folge 9, S. 3.

⁶⁴ D. E i c h h o l t z. Monopole und Staat in Deutschland 1933—1945.— «Monopole und Staat in Deutschland 1917—1945». Berlin, 1966, S. 33—57; K. G o s s w e i l e r. Der Übergang von der Weltwirtschaftskrise zur Rüstungskonjunktur in Deutschland 1933 bis 1934.— «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte». Berlin, 1968, Teil II, S. 55—116.

⁶⁵ «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 5, S. 56.

⁶⁶ «Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны». М., 1971, Док. 22, 25, 32, 34, стр. 91—92, 98, 104—106, 108—109.

⁶⁷ Г. Д и м и т р о в. Указ. соч., стр. 378.

бойничьего империализма за мировое господство. Фашисты не выполнили ни одного из своих обещаний в социальной области. Крикливые пункты программы НСДАП были клочком бумаги. Гитлеровцы намеревались решить социальные проблемы за счет других народов. Они проповедовали расизм⁶⁸ и стремились поработить народы многих стран.

В. И. Ленин писал, что основным содержанием всякой революции является вопрос о власти. «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия»⁶⁹. Установление фашистской диктатуры в Германии и ее последующие террористические мероприятия являлись крайней политической реакцией во всех областях, превентивной контрреволюцией, закреплением господства монополистического капитала путем террористической диктатуры.

Ныне заплесневелый тезис о «национал-социалистской революции» вновь вытаскен на свет реакционной западногерманской историографией. Появившиеся в последние годы книги и дискуссия на XIII Международном конгрессе исторических наук свидетельствуют о продолжении «изысканий», осуществляемых реакционной историографией ФРГ в этом направлении. Рассмотрим несколько работ ведущих западногерманских историков — сторонников пресловутого тезиса.

Прежде всего остановимся на работах профессора Марбургского университета Эрнста Нольте. Известно, что ныне он — один из наиболее плодотворных буржуазных историков западноевропейского фашизма вообще и гитлеровского «рейха» в частности. В первой же книге «Фашизм и его эпоха» он в напыщенных фразах, явно пытаясь воздействовать на шовинистические чувства, описывает обстановку «восторга» и «триумфа», якобы царивших в Германии в дни прихода фашистов к власти в 1933 г.⁷⁰ В другой своей книге Нольте заявляет об «эпохальном значении победы национал-социализма». Он утверждает, что это была «революция против революции», тем самым невольно признавая контрреволюционный характер гитлеровской диктатуры⁷¹.

Профессор Боннского университета Карл-Дитрих Брахер, много пишущий по истории германского фашизма, в книге «Германская диктатура. Возникновение, структура и последствия национал-социализма» делит установление фашистской диктатуры на два периода: процесс захвата власти — «легальная революция» и укрепление у власти (до августа 1934 г.) — «национальная революция». Он пытается доказать, что установлению фашистской диктатуры способствовали «антипатия и недовольство населения опытами 1848 и 1918 гг.», а также «тактика разрушения», которую якобы проводили до нее коммунисты. Брахер несостоятельно обвиняет КПГ и Советский Союз в «расколе сил немецкого Сопротивления»⁷².

Известный в ФРГ специалист по истории германского фашизма Мартин Броскат, профессор Института современной истории, в коллективной работе «Анатомия эсэсовского государства», без каких-либо пояснений и обоснований, называет период 1933—1934 гг. «фазой революционного взятия власти». К ней он относит фашистские погромы и аресты, а также захват штурмовиками полицейских участков во многих крупных городах.

В книге «Чиновничество в третьем рейхе» профессор Ганс Моммзен (Гейдельбергский университет) утверждает, что «динамика фашистского

⁶⁸ «Rassen, Rassentheorie und imperialistische Politik». Berlin, 1961, S. 96—169.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 133.

⁷⁰ E. Nolte. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963, S. 419—421.

⁷¹ E. Nolte. Die Krise des liberalen Systems und die faschistischen Bewegungen. München, 1968, S. 137; е г о ж е. Der Faschismus von Mussolini zu Hitler. Texte, Bilder und Dokumente. München, 1968, S. 170.

⁷² K.-D. Bracher. Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus. Köln — [West] Berlin, 1970, S. 209—213, 217.

движения... сводилась к постоянному революционизированию». Закабавший государственных служащих гитлеровский «закон о восстановлении профессионального чиновничества» от 7 апреля 1933 г. Моммзен считает одним из показателей периода «завершения национальной революции, для которой характерен переход к государственному регулированию». Так Моммзен открыто заявляет о признании им «революцией» узурпаторских мероприятий фашистов.

Профессора Тило Фогельзанга (Институт современной истории) искусственное притягивание слова «революция» к террористическим злодеяниям гитлеровского фашизма тоже устраивает более, чем научный добросовестный анализ событий того времени.

Типичными для новейших веяний в буржуазной историографии фашизма являются книги жившего ранее в США, а с 1962 г. поселившегося в ФРГ социолога Давида Шёнбаума, в которых он утверждает, что приход к власти фашистов и их мероприятия были «революцией», хотя и вынужден признать, что гитлеровскую диктатуру «ни современники, ни потомки не считали революцией вообще». Перед нами еще один вариант оправдания фашизма и его злодеяний.

Принятый на вооружение реакционной западногерманской историографией тезис о «национал-социалистской революции» представляет собой очевидное извращение фактов. Тезис этот заимствован западногерманской историографией непосредственно из нацистской официальной документации и пропаганды, высказываний руководящей нацистской «элиты» и ее идеологических оруженосцев и является, по сути, попыткой реставрировать и внести в историческую литературу фашистскую социальную демагогию. Налицо определенная неофашистская тенденция. Реакционные западногерманские историки пытаются выдать приход фашистов к власти и ее дальнейшую узурпацию за «народное движение», за «революцию» и тем самым реабилитировать германский монополистический капитал; снять с него ответственность за установление фашистской диктатуры; замаскировать классовую и социальную сущность этой диктатуры; дискредитировать в глазах масс идею пролетарских и национально-освободительных революций; путем произвольных «сопоставлений» и «параллелей» пропагандировать антикоммунизм и антисоветизм; демобилизовать народы в борьбе против неофашизма, создать у них совершенно ложное представление о «левизне» фашистских режимов.

Документы и факты убеждают в полной несостоятельности всех попыток гальванизировать миф о «революционном» возникновении «третьего рейха».

